

Николай Ольков

Дурдом

Собрание сочинений. Том 12

Николай Ольков

**Дурдом. Собрание
сочинений. Том 12**

«Издательские решения»

Ольков Н. М.

Дурдом. Собрание сочинений. Том 12 / Н. М. Ольков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835437-3

Да, это психиатрическая больница, которая раньше звалась просто дурдомом. Молодой врач, кандидат наук, не угодил областному руководству и получил в дурдом назначение главным врачом. Но дело не только в том, что он со временем превращает учреждение в образцовое. За эти годы в его судьбе столько поворотов, столько неожиданных решений. Но он счастлив...

ISBN 978-5-44-835437-3

© Ольков Н. М.
© Издательские решения

Дурдом

Собрание сочинений. Том 12

Николай Максимович Ольков

© Николай Максимович Ольков, 2016

ISBN 978-5-4483-5437-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Шмуль Меирович Бяллер, профессор медицинского института и одновременно заведующий неврологическим отделением областной больницы, пожилой, высокий и худой еврей с удивительно добрым лицом и ласковым разговором, очень любил по утрам просматривать свежую прессу и слушать новости. Когда-то это доставляло ему огромное удовольствие, он радовался успехам передовиков и лучших предприятий, находил знакомые имена, зачитывал супруге Анне Абрамовне самые любопытные заметки. Он успевал это делать, потому что с детства привык вставать очень рано, и теперь, когда можно дать себе послабление, он не в силах ничего изменить, потому что привычки выше человеческих желаний. Около часа делал гимнастику, которой научили его китайские коллеги во время годичной практики в этой замечательной стране. Шмуль искал и не находил там своих, наконец, спросил, есть ли в Шанхае евреи, и улыбочивые китайцы ответили, что, скорее всего, их тут нет. После гимнастики водные процедуры и завтрак, за которым он смотрел новости и слушал последние известия, а уже после быстро просматривал свежие газеты, которые Анна Абрамовна заранее покупала в киоске «Союзпечать».

После случившейся в Москве очередной вакханалии ничего не изменилось в утренней жизни профессора, но за газетами бегала уже домработница Фрося, а новости все больше пугали старого профессора. Только за последнее утро он узнал, что шахидка взорвала троллейбус с пассажирами, в жилом доме сработало неизвестного происхождения устройство и погибли люди, большой чиновник украл из бюджета такие деньги, на которые можно было бы обновить все оборудование его отделения и даже добавить зарплату медицинским сёстрам, перед которыми ему было крайне совестно. Но больше всего Шмуля Меировича возмутило, что его не посадили в тюрьму, не отобрали драгоценности и автомобили, а оставили в трёхэтажном коттедже под так называемым домашним арестом. Далее диктор сообщил об огромном провале проезжей части на главной улице их города, и в эту яму успел упасть автомобиль, его сейчас вынимают. Газета пишет, что милиционер стрелял в людей прямо на улице, а офицер избил своего солдата. Молодая мать выбросила в мусорный контейнер ещё живого ребёнка. Банкир, обманувший своих вкладчиков, каким-то образом получил отсрочку выплат и остаётся депутатом областной думы. Добило его заявление губернатора, что в области сохраняется стабильность и растёт число людей, считающих себя счастливыми.

– Анна Абрамовна, Фрося, вы помогите мне что-нибудь понять! Что происходит? Мир вокруг нас сходит с ума! Мы живём в жутком окружении, у меня начинают появляться подозрения, что всё это весьма похоже на большой «Кошкин дом».

– Шмуль, я тебя умоляю, ничего не говори об этом в институте, – взмолилась Анна Абрамовна.

– Аннушка, об этом говорят все вокруг, даже студенты, – успокоил её супруг.

– И пусть. Шмуль, ты единственный еврей в профессуре, они сразу начнут с тебя.

– Успокойся, дорогая, эти разговоры никого не интересуют, власть считает: пусть говорят, что хотят, лишь бы ничего не предпринимали. Но я же не собираюсь взбираться на памятник бывшему вождю мирового пролетариата и пугать людей фашистами и опять же евреями.

Подобные разговоры затевались едва ли не каждое утро, но профессор Бяллер считал, что он должен быть в курсе событий, чтобы в случае необходимости не отмалчиваться в редкой полемике на кафедре, а аргументированно высказать своё мнение.

У Бяллера учился один из самых способных студентов мединститута Артём Белославцев, учился легко и с постоянным интересом, уже на первом курсе подошёл к куратору и попросил помощи:

– Я хочу получить право быть рядом с вами в клинике. Готов исполнять любые обязанности, и зарплата меня не интересует.

Бяллер улыбнулся, он так давно служил по медицинской части как со студентами, так и с больными в клинике, что уже через две-три встречи мог определённо сказать, кто из молодых станет рабом медицины, а кто сделает своими рабами тех несчастных, которые вынуждены будут у него лечиться. Он часто вспоминал шутку красnodипломной выпускницы, которая в ответной речи на выпускном вечере сказала ни больше, ни меньше: «Я всегда боялась врачей, и теперь стану бояться ещё больше, особенно своих однокурсников». Тогда ей сдуру дружно аплодировали, и только Бяллер напрягся: если эта девчонка говорит такое, значит, врачей мы выпускаем плохих, неучей, для них клятва Гиппократата просто слова, которые надо было заучить, как латинское название расстройства мозжечка после сотрясения головного мозга с незначительным кровоизлиянием.

Этого парня заметил сразу, он не задавал вопросов, чтобы порисоваться перед преподавателем, быстро записывал основные положения его лекций, причём, от Шмуля Меировича не ускользнула такая особенность: студент писал не все подряд, а слушал и склонялся над тетрадкой, когда преподаватель выделял самое важное из получасового рассказа об особенностях нервной системы человека. И вот он пришёл сам.

– Зарплатой, молодой человек, разбрасываться не следует, всякий труд должен быть оплачен в соответствии с его количеством и качеством. Вы «Капитал» Маркса читали? Хотя – о чем я? Маркса сегодня изучают разве что в академии управления при президенте, и то по диагонали, судя по результатам реформ... Простите, молодой человек, отвлекся. Итак, вы хотите в клинику. Кем же я вас могу оформить? Извините, только санитаркой, ну, точнее – санитаром. Но опасаясь, что вас такой статус не устроит.

Студент кивнул:

– Устроит, спасибо, профессор, я могу сегодня в ночь выйти на работу?

Прошёл месяц, их ночные смены в неврологическом отделении совпали, после вечерних процедур и осмотров Бяллер пригласил санитару в кабинет. Белославцев пришёл через пять минут в свежем халате и накрахмаленном колпаке. Профессор попросил медсестру принести чай, горячий темно-вишнёвый напиток дополнили тарелки с сыром, колбасой, шоколадом.

– Врач должен хорошо и правильно питаться. Мой отец в войну по трое суток делал операции. Пока очередного раненого готовят, он уснёт прямо в операционной, в углу. Персонал менялся, а хирург был один. Питался, конечно, плохо, и вот, случилось. Положили на стол раненого, а ассистент шепчет на ушко: «Товарищ военврач, это полковник из СМЕРШа». Отец ответил: «Спасибо за информацию, но он устроен так же, как и все советские люди». Полковник тот умер на столе, у него весь живот был изрезан осколками, а самое опасное, что позвоночная артерия перебита в нескольких местах. Потеря крови огромна, а запасов нет. Сутки сливали кровь всего персонала, отец связал артерию, но чудес не бывает. Даже сегодня такая операция относится к категории особо сложных. Полковник умер, фразу отца о том, что он устроен так же, как и все советские люди, посчитали крамолой, отца осудили трибуналом за вредительство и отправили в Сибирь. Какая глупость! Сколько людей он мог бы спасти, но – честь мундира! Кстати, отец работал в шахте, не в медпункте, мама собрала все побрякушки, нашла его лагерь, его отпустили на сутки. Что такое сутки для молодых людей, которые

не виделись долгих пять лет! Удивительно, но они сумели за эту ночь сделать меня. Так что кушайте, молодой человек, кушайте.

Когда медсестра унесла посуду, Бяллер закурил сигару, чего никогда не делал в институте, никто и не знал, что он курит сигары, несколько раз затянулся и положил в пепельницу догорать:

– Молодой человек, хочу с вами говорить серьёзно. Вы по происхождению деревенский? Я так и понял. Нет-нет, ничего плохого, просто вы трудолюбивы, а такое чаще всего бывает в деревне. Хотя теперь, наверное, едва ли. Ну-с, я так понимаю, хотите стать настоящим врачом?

– Да, профессор, невропатологом, очень хотелось бы психиатром, но это недостижимо с моими материальными возможностями.

Профессор насторожился:

– Простите за бестактность, на что вы живете?

Артём помолчал, но отвечать надо:

– В армии попал к хорошему человеку, генерал в отставке попросил нашего командира выделить троих солдат дачу дочери построить. Мы там и жили. Генерал хорошие деньги нам заплатил, только просил командиру не говорить. А дочка его, ну, в общем, понравился я ей, встречались, просила остаться, а у меня родители в деревне. Расстались. Я написал ей, что в институт поступил, она мне каждый месяц немного высылает. Нет, профессор, вы не подумайте, я три раза возвращал, она потом к телефону вызвала, мне даже неловко стало. Конечно, от их достатка это мелочь, но я не хочу чужого.

Бяллер встал:

– Прекрасно, молодой человек, после первого курса я вам лично устрою экзамен в объёме обязанностей дежурной медсестры, сдадите – переведу на ставку. Простите, а к генеральской дочке не хочется вернуться? Соблазнительно, черт побери!

Артём покраснел:

– Она хорошая, только властная, привыкла у папы на глазах. А я деревенский, второй сорт, я ей только, простите за прямоту, только в постели и нравился. А почему деньгами помогает – сам не пойму.

Старый еврей профессор Бяллер так привязался к Белославцеву, что это замечал уже весь институт, работы Артёма получали первые места на окружных и республиканских студенческих конкурсах, после третьего курса Бяллер пробил для парня ставку в отделении, как-то витиевато назвав в документах должность. С его согласия и в его присутствии Белославцев вёл врачебный приём больных, удивляя старика каким-то животным чутьём: назначения на анализы и обследования он и сам бы такие же сделал, после получения всех результатов Артём осторожно записывал на листочке свои предложения по лечению и показывал профессору. Бяллер молча кивал, а потом выпытывал у студента, как он дошёл до таких выводов.

Наконец, диплом, Бяллер объявил, что забирает Белославцева в свою неврологию на ставку врача и, поклонившись в сторону ректора, добавил:

– Надеюсь, господа, что для Белославцева найдётся местечко в аспирантуре, все остальное я беру на себя.

Анна Ивановна Волоканцева была старожилком областной администрации, к пятидесяти годам обрела силу и властность, бывшая красота оформилась в монументальность, она являлась в кабинет только такой: в строгом костюме, с высокой причёской, слегка подкрашенная и всегда невозмутимая. Третий губернатор пришёл, а она все оставалась на сложнейшем, как она считала и говорила, участке работы – заместитель губернатора по социальным вопросам. Вопросов действительно было много, но она, всю жизнь просидевшая в руководящих струк-

турах и пришедшая на высокий пост с должности председателя комитета по культуре, вполне расчётливо перепоручила их решение руководителям подчинённых подразделений. Сама Анна Ивановна занималась стратегическими направлениями. Губернаторы ценили её хватку и работоспособность, потому за Волоканцевой прочно закрепился негласный статус «серой кардинальши».

Проехав однажды несколько сельских районов, она обратила внимание, что деревни практически выпали из жизни, во всяком случае, экономического интереса не представляют. Молодёжь бежит в город, где есть возможность найти хоть какую-то работу, несколько человек держатся подсобным хозяйством, старики выживают от пенсии до пенсии. И в то же время там есть школы, медпункты, учреждения культуры. Вернувшись из поездки, она запросила необходимую статистику и ужаснулась результатам своих подсчётов. Слишком дорого обходится каждый ученик неполной средней школы, слишком дорого содержание клуба и библиотеки, и зачем в маленькой деревеньке медпункт? На совещании руководители управлений и комитетов единодушно поддержали Волоканцеву, подтвердив, что сеть учреждений нуждается в совершенствовании и сокращении.

Анна Ивановна была хорошим аппаратчиком, она не высказала на совещании конкретных предложений и поручила подготовить расходы бюджетных средств на содержание социальной сферы в малых деревнях, для точности и надёжности постановки вопроса сделать это рекомендовалось по всем деревням, кроме центральных сел сельских администраций. Картина получилась удручающей: бюджетные затраты на каждого жителя вымирающей деревни втрое, а то и больше, превышали затраты на жителя центрального села. Анна Ивановна подсчитала, что если все привести в порядок, это даст приличную экономию бюджета. Она все подыскивала подходящее определение для этой довольно громкой, скандальной, но экономически эффективной акции, и не могла ни на чем остановиться: все формулировки были громоздки, не броски и не отражали сути перемен, их цели

Волоканцева хорошо понимала, что так называемая патриотическая оппозиция ухватится за проект и будет беспощадно критиковать власть, так было и так будет, никогда реформы не встречались аплодисментами, всегда есть жертвы, ну, помягче скажем – пострадавшие. Надо подготовить коммунистам и их приспешникам чёткие аргументы, в которых прописать прежде всего эффективность проекта, а потом перечислить дополнительные меры, которые власть предпримет для сохранения социальной защищённости населения малых деревень. Надо определить базовые средние школы, усилить их материальную основу, они получают дополнительный транспорт для доставки детей из деревень на занятия. Да, сложно, ребятишкам придётся вставать на час, а то и полтора раньше, зато качество знаний будет расти, квалификация преподавателей этих школ значительно выше. Если в центральные дома культуры дать микроавтобусы, они с успехом станут обслуживать жителей малых деревень. Транспортom сельской администрации можно два-три раза в неделю доставлять больных в сельский фельдшерский пункт и даже в районную больницу. Что ещё надо для нормальной жизни экономически неэффективного населения?

Волоканцевой решительно нравился этот проект, но она откладывала доклад губернатору. Все решилось во время очередной встречи в сауне с Ниночкой Соколовой, которую она несколько лет назад сделала главным врачом областного туберкулёзного диспансера, чем очень удивила и коллектив, и районных фтизиатров, но Ниночка – хваткая девушка, она жёстко подмяла пыжившихся специалистов, громко сказав, что она пришла не палочки Коха или ещё что отыскивать, а руководить. Все поняли, что спорить нет смысла. Ниночка – врач, а фтизиатр, гинеколог или хирург – это особого значения не имеет, она умная девочка, к тому же очень своя, и когда Анне Ивановне трудно, она всегда выручит, приедет, вместе проведут вечер – сауна, коньяк, постель...

Выслушав Анну Ивановну и её сетования на невозможность дать проекту чёткое определение, Ниночка дёрнула плечиками:

– Какие проблемы, мамочка: оптимизация! Громкое слово, и по сути подходит, ты же нашла оптимальный вариант бюджетных затрат!

Волоканцева даже руками всплеснула:

– Ну, Ниноля, ну, молодец! И правда: оптимизация бюджетных затрат! Все, завтра иду к губернатору, то-то будет удивлён! Финансист, каждую копейку через очки рассматривает, а я ему сразу десятки миллионов экономии принесу! Давай ещё по рюмке за успех. Ниноля, радость моя, ты же знаешь, как я тебя люблю. Уверена, шеф поднимет мои полномочия, потерпи с годик, я тебя на департамент посажу.

Ниночка губку вздёрнула:

– Не пройдёт, мамуля, степень бы надо.

– О чем речь? Я себе заказала лет пять назад, принесли, кое-как название запомнила, три дня читала, чтобы хоть что-то понять, а защита в нашем универе. Я приехала, а там уж столы накрыты, ректор вприсядку бегаёт. Вот и все. И тебе так же изладим.

Программа оптимизации с восторгом была принята губернатором и утверждена областной думой, а Волоканцева получила новый титул – первый заместитель губернатора, и негласный: «серый кардинал Анна Иоановна».

Придя в отделение уже в статусе доктора, Артём заметил, что персонал с ним почти официален, предупредителен и внимателен. Вчерашние девчонки-медсестры при разговоре согласно кивали, а уходя, загадочно улыбались. Три из них, Галина, Марина и Настя, на то имели особое право, уже два года он уединялся с каждой из них на ночных дежурствах, и утро встречали на широком бяллеровском диване в его шикарном кабинете. Однажды Шмуль Меирович попросил Артёма задержаться:

– Простите, молодой человек, что вмешиваюсь, но таки имею право, потому что именно мой кабинет вы превратили в комнату свиданий. Каждое утро после вашего дежурства в моем кабинете ароматы разных духов. Нет, я не спрашиваю, откуда у вас ключи, которых я лично не давал, уповаю только на то, что дамы достаточно чистоплотны и всякий раз приносят свежее постельное. И как вы собираетесь работать в коллективе, все отношения в котором построены на сексуальной основе? Я очень терпелив, как всякий старый еврей, но сегодня на спинке моего кресла обнаружил бюстгальтер, насколько я понимаю в этом деле, он принадлежит Галине. Артём, есть две вещи, которые сломали очень много хороших врачей – это вино и бабы, часто они ходят в паре. Вы умный и очень перспективный, будьте аккуратны.

Артём выслушал учителя, опустив голову и наливаясь краской, когда разговор окончился, он кивнул и вышел. Стыд! Галина – замужняя женщина, а пришла в ординаторскую и разбудила. Марина очень хороша, но страсти в ней на троих, говорит, дважды выходила замуж и выгоняла мужей из-за низкой квалификации. Настя, кажется, действительно, влюблена, но Артём, начитавшись про нравы и обычаи древних славян, дал себе слово жениться на девушке. Увы, Настя таковой уже не была. И что теперь? Надо с каждой поговорить отдельно и искать приключений где-то на стороне, в той же студенческой общаге.

После планёрки медсестра Настя вошла в ординаторскую, Белославцев поднял голову:

– Есть вопросы, Анастасия Ивановна?

– Есть, Артём Антонович. С вами что случилось в последнее время? Вы не хотите больше со мной встречаться? Почему? Ты ведь знаешь, Артём, как я тебя люблю. Мне казалось, что и я тебе нравлюсь. И вдруг полная изоляция, в ночную не приезжаешь, в выходные не звонишь. Ты нашёл другую? Ну, скажи хоть что-нибудь, не молчи!

Артём знал, что такой разговор неизбежен, и был готов к нему:

– Ты, Настя, совершила ошибку не со мной, а с тем, кто был у тебя первым мужчиной. Вот тогда надо было думать о будущем, о любви, о вечном надо было думать. А мы с тобой весело проводили время, и только. Я тебе после первой же ночи сказал, что семьи у нас не будет, у меня другое понимание жены и женщины. Добавить к этому мне нечего. Не обижайся на меня, не заставляй меня искать для тебя работу в другом отделении. До свидания.

Через три года Бяллер отказался от должности заведующего отделением. Все понимали обдуманый ход старого лиса: его протеже Белославцев успешно защитился, дело в отделении поставлено с еврейской аккуратностью, так что назначение Артёма Антоновича все считали уже состоявшимся. Только не он сам. В аспирантуре он уловил особый аромат исследовательской работы, ему нравилось анализировать тома историй болезней уже умерших пациентов и сравнивать свои предположения с результатами патологоанатомических экспертиз. Все эти годы он старательно записывал все свои наблюдения, и теперь можно было их систематизировать. Он хотел уехать в Питер, в медицинскую академию для подготовки докторской, но, как только заявил об этом Бяллеру, профессор чуть не заплакал:

– Молодой человек, вы зачем мне не сказали это пять лет назад? Конечно, докторская нужна, и вы её получите, вам ведь нет и тридцати. Может быть, это тот случай, когда не надо спешить? Я так огорчён, но вы таки имеете право плюнуть на старого ворчливого еврея и поехать в свой Питер, в который моему деду въезд был категорически запрещён. Вы слышали о черте осёдлости? Да, извините. Тогда принимаем такое решение. Вы работаете в отделении, а я нахожу своих людей в Питере, не сомневайтесь, что они есть во всех медицинских академиях этого города. Вы с ними познакомитесь, и начнёте работу над докторской здесь, под моим наблюдением. Ответ прошу сразу: вы согласны? Да? Спасибо, мой дорогой, вы же знаете, как я к вам отношусь. Я познакомлю вас с нужными людьми уже через месяц, мне нельзя откладывать на слишком далеко, я, кажется, прокараулил одну болячку, так что не будем медлить.

На другой день новая табличка появилась на кабинете заведующего отделением.

Артём уже много лет не бывал в родном селе, потому что особо и ехать было не к кому, да и работа не отпускала: студенты отдыхать, а он на полторы ставки, чтобы на зиму заработать. Отпуск брал перед сессией, чтобы спокойно пробежать глазами чёткие записи лекций, спасал студента хороший, уверенный почерк. А тут приснилось ему, что идёт по деревенским улочкам, и ни одного знакомого лица, прут навстречу какие-то уроды, гнусавят, матерятся. Дошёл до кладбища, остановился в ста шагах: все те же сосны, все тот же крутой земляной вал. Он знал эту историю, в конце девятнадцатого века в селе построили церковь, епархиальное управление в средствах отказало, и сход постановил собирать деньги всем миром. Избрали сборщика, кузнецы привезли тяжёлый кованый сундук о трёх замках, для сборщика, для старосты церковного и для волостного старосты, чтобы только вместе могли открыть и взять нужную сумму. Печники указали залежи пригодной для кирпича глины, стали бить кирпич, печи для обжига сложили, готовый кирпич укладывали в штабели и укрывали соломой. Когда приехал дьякон из Тобольска и привёз проект церковный, весь мир собрался. Ходили вокруг раскрытых листов, вздыхали, не можно понять крестьянину, какая же церква будет из этих чертежей? Тогда дьяк повёл народ к амбарам купца Пшеничникова, и на тыльной стороне углём по беленой стене нарисовал храм. Толпа ахнула и пала на колени. Получалось, что церковь будет круглая, без колокольни, купол закроет молельню и алтарь, а над ним ещё один купол, высокий да широкий, в нем на толстом бревне колокола повесят. При входе часовенка, изба для паломников, рядом поповский дом. Записанная первым учителем церковно-приходской школы, эта история хранилась в сельсовете. Новый священник предложил обнести кладбище земляным валом, потому что скотина заходит, кресты ломает, гадит. Народ согласился. Неделю мужики рыли канаву и бросали землю на внутреннюю сторону, бабы тоже не отставали, в мешках и фартуках таскали глину на вершину вала. Плотники врата сделали баские, на обе половинки кресты православные закрепили. Тут же запись о закупке саженцев сосны, черёмухи

и сирени, которые высаживали весной, со всех деревень прихода приехали люди, батюшка молебен отслужил, и весь день работал народ, соснами в два ряда обсадили вал, черёмуху с сиренью внутри вдоль дорожек, каждый у своих могил прикопал по былинке. И вот уж больше ста лет шумят сосны, весной, к Троице, сирень и черёмуха благоухают, слабые женщины даже угорали от этих запахов. Нигде не видел похожего кладбища Артём, да и старшие судили, что лучше нашего в округе нет.

Хоть и во сне, а душевное волнение охватило душу, поклонился кладбищу и вошёл в ворота. И что же? Нет могил, ни сирени, ни черёмухи, только те же уродливые незнакомые люди гундосят вокруг, хотя и внимания на пришельца не обращают, как будто не видят его. А могилы разрыты, только останки гнилых досок обозначают места бывших захоронений. И ни одного креста, как будто специально убраны, ведь должны быть кресты, они наверху, не могли сгнить бесследно. И тут Артём проснулся.

Посмотрел на светящийся циферблат больших напольных часов, купленных у старого своего больного Арсения Ипатьевича. Разговорились в ночное дежурство о старине, дед и признался, что семейство их было одним из состоятельных в городе, только советская власть живо расправилась. А вот часы в то время были в ремонте у порядочного человека, тем и спаслись, и когда последний отпрыск старого рода вернулся с фронта, часовщик нашёл его и попросил забрать часы. Артём только третьему реставратору, осматривавшему инструмент, поверил, и не пожалел. Часы восстановили мелодичные звоны каждую четверть и половину часа, негромко, как бы где-то вдали, отбивали часы, а в полдень играли «Боже, царя храни!». Долго лежал, выходя из устойчивого видения, прошёл на кухню, выпил рюмку коньяка. «Странный сон! Надо поехать в деревню, стыдно, совсем забыл матерей своих и отца». Артём часто удивлялся знакомых, когда в разговоре упоминал о двух мамах. Так оно и было, родная, Мария Ивановна, умерла, оставив его десятилетним, потом отец привёл чужую женщину, тоже Марию, только Никандровну, и сказал, что надо звать её мамой. Трудно далось мальчишке это родное и близкое слово, но не было на свете другой такой женщины, которая бы приняла чужого ребёнка как своего. Детей у неё не было, и материнское чувство проснулось к сорока годам. Став взрослым, уже перед армией, Артём спросил: «Мама, а почему ты меня ни разу кнутом не вытянула, ведь я пакостной был?». Никандровна засмеялась: «Другой раз и надо бы, да рука не поднималась. И от людей нельзя, скажут: чужой, вот и бьёт». Артём обнял её: «Как ты можешь так думать? Разве я тебе чужой, что ты, мама!». Перед армией парни становятся понимающими...

На плановом заседании коллегии департамента здравоохранения слушали доклад заведующего терапевтическим отделением областной больницы Белославцева. Поводом для столь серьёзного разговора стала жалоба доктора Самаркина, а по сути – смерть пациента в результате неверно поставленного диагноза. Старый томограф не показал инсульта, врач пришёл к стандартному заключению: зажим нервов в шейном отделе позвоночника, и назначил вытяжения. Лечение не помогало, но после каждого двухнедельного курса врач выписывал пациента «с незначительным улучшением». Когда больной оказался в отделении в третий раз, Белославцев потребовал от доктора Самаркина всю информацию, понял, что диагноз ошибочный, отправил пациента в клинику нефтяников, где современный томограф показал уже воспалённую гематому. Через неделю человека не стало.

С Самаркиным говорил один на один в кабинете:

– Вы десять лет в отделении. Насколько возможно, я проверил истории ваших больных, и это не первый случай летального исхода. Как вы могли забыть, что наша главная задача – правильно определить болезнь, поставить диагноз, а лечит потом средний персонал?! На вашей совести жизнь человека, вы знаете, что у него осталось трое детей? Вы встретились с женой,

которая сознание потеряла, когда тело получали из морга? Вы не будете работать в отделении, пишите заявление и уходите.

Самаркин возмутился:

– Почему я должен уходить? Это элементарная ошибка, они в каждой профессии бывают.

Белославцев встал над столом:

– Бывают, но есть профессии, в которых ошибаются только один раз. Вы слышали о таких. Врач вообще не имеет права на ошибку. Я не буду с вами работать, но и уволить по нашему дурацкому законодательству тоже не могу, потому прошу: напишите заявление и уходите.

Самаркин встал и глядя в лицо Артёма, прошептал:

– Сказал, что не буду писать заявление, и не заставите. Закон на моей стороне. И в семье умерших ходить я не обязан.

Белославцев плохо себя помнит, но орал он не только на все отделение:

– Вон! И чтоб духу твоего здесь не было!

Самаркин оформил очередной отпуск, написал жалобу в департамент. Там решили разобраться основательно. Три сотрудника департамента пролистали сотни историй болезней, по целому дню изучали компьютерные записи докторов, написали обширную справку без каких-либо выводов. Накануне Белославцеву позвонили из департамента, что на заседании возможно присутствие заместителя губернатора Волоканцевой. Артём лично с нею знаком не был, уверен, что и она о нем не слышала.

Начало заседания затянули на четверть часа – ждали Волоканцеву. Она извинилась, сославшись на неожиданных посетителей, и кто-то из готовивших начал читать справку. Волоканцева остановила:

– Зачем из пустого в порожнее? Господин Белославцев может и сам дать полную картину положения дел в отделении.

Артём говорил спокойно, но резко.

– Оснащение отделения значительно устарело, это приводит к врачебным ошибкам, не все их, к сожалению, удаётся вовремя заметить и исправить. Печально, но низка квалификация врачей, департамент не даёт мест для учёбы в приличных клиниках. Что такое неделя в Томской областной больнице? Да ничего, только галочка в отчёте. Знания сегодня дорого стоят, я не имею в виду диссертации, я говорю о знаниях, а их можно получить только в специализированных клиниках крупных городов или за границей.

– Артём Антонович, вы окончили нашу академию? – спросила Волоканцева.

– Да.

– И в то же время вы утверждаете, что квалификация врачей низкая, а сами стали кандидатом наук, известным специалистом, вас приглашают на конференции и симпозиумы, вы доклады делаете, их потом печатают ваши солидные журналы. Как-то не вяжется...

Артём сложил в папочку бумаги:

– Система подготовки врачей моего профили перестала работать после ухода из института выдающегося человека и врача Шмуля Меировича Бяллера. Я не могу себя с ним сравнивать, я мальчишка рядом с ним, но ведь и меня, ведущего, как вы сказали, невропатолога области, не допускают в аудиторию. Я не знаю, чего здесь больше – амбиций нового ректора или финансовых соображений. Но я вижу студентов на практике в отделении, простите, я бы прогнал, но не имею права. Могу назвать поимённо три-пять человек, которые хотят быть и будут врачами. Если я доживу до их выпуска, с удовольствием приглашу к себе. Все остальные не хотят знаний, они хотят дипломов. Ходят со скучными лицами, больных сторонятся, четвёртый курс – укол сделать не умеет, капельницу подключить боится.

После этого в течение получаса отмывали медакадемию, потихоньку опровергая доводы Белославцева. Потом директор департамента достал заявление Самаркина:

– Вам, Артём Антонович, надо в отделении вести себя поприличнее. Вот, Самаркин пишет, что вы на него кричали так, что слышно было по всему этажу.

Белославцев встал:

– Кричал я только в конце разговора, когда понял, что Самаркину наплевать, вылетится человек или умрёт после его лечения. Самаркин – это проекция большинства нынешних студентов. По закону уволить его я не могу, но и работать с ним не буду. Прошу: переведите его хоть с повышением куда-нибудь в другое место.

Волоканцева встала первой и из всех присутствующих за руку попрощалась только с Белославцевым.

Нину Николаевну пригласили на приём к первому заместителю губернатора. Волоканцева никогда лично не звонила и не приглашала, только через помощников, только официально. Соколова несколько минут посидела в приёмной, из кабинета вышла группа людей, её пригласили. Анна Ивановна поинтересовалась делами в тубдиспансере, спросила, нужна ли помощь. Нина вежливо отказалась, настороженно ожидая назначения вечерней встречи. Волоканцева взяла её за руку:

– Я так привязалась к тебе, Нина, что даже не представляю кого-то другого рядом. И в то же время не могу быть такой самолюбкой. Ты молода и красива, успешная карьера и ещё более уверенное будущее. Тебе надо создавать семью. Да, рядом нет достойного мужчины, все твои ровесники заняты, но есть один экземпляр: молод, красив, образован, при должности, но самое интересное – он тоже врач, и вполне возможно, ты его знаешь. Это Белославцев.

– Артюша? А ты его откуда знаешь?

Волоканцева рассказала о встрече в департаменте и о пламенной речи Белославцева.

– Я его знаю, точнее – знала, он из-за службы в армии пришёл в институт позднее, на курс или на два позже учился. Да, он уже тогда заявлял о себе. Бабник, каких свет не видел.

– Ты с ним тоже спала?

– Увы, нет, до этого не дошло, но он меня заметил, какое-то время встречались, даже целовались, но у меня тогда уже Соколов был. Да, Артём как-то, скорее всего, по спору, отшил моего курсанта, но и меня не перехватил, черт его знает, что ему надо было. Но я его давно не видела. Говоришь, красивый и холостой? Да так не бывает.

Анна Ивановна засмеялась:

– На твоё счастье – бывает. Ты раньше времени не светись, мы его оглушим. У меня день рождения скоро, ты приезжай, будет губернатор, он обещал вручить какой-то орден. Пора тебя представлять. Если ты ему понравишься, считай, дело решено, предложу тебя на департамент, а Артюшу твоего посадим первым замом. Никуда не денется, влюбится и женится.

Нина вздохнула:

– Ты его плохо знаешь. На должность, возможно, и клюнет, а вот дальше...

– А дальше – все в наших руках. Я его так прижму, что бегом под венец побежит.

– Грехов у него нет, так что взять его не за что.

– У меня в УВД майоришка сидит, послушный, как флюгер. Он найдёт управу на Артюшу, если тот закобенится.

На очередной планёрке главный врач больницы Василий Викторович объявил, что назначен новый директор департамента, Нина Николаевна Соколова, прежний давно отстранён от должности, обвинён в растрате, нецелевом использовании и присвоении большой суммы денег, разговоры об этом шли давно.

– Виктор Иванович арестован? – спросил кто-то. Раздался жизнерадостный смех:

– Кто его арестует, он же памятник. От бывшего губернатора.

– За такие деньги никто не посадит. Вот у меня сестра-хозяйка умыкнула пять комплектов постельного – пожалуйста, суд и срок, шесть месяцев на зоне. А у меня за это время, пока с хозяйкой судились, ещё на пятнадцать тысяч унесли.

– Господа, я главного ещё не сказал. Директор департамента женщина, молодая и красивая, я присутствовал на представлении её коллективу. Она желает начать знакомство с вверенными ей учреждениями именно с нашей больницы. Потому прошу все посмотреть и проверить.

В коридоре продолжали обсуждать новость. Артёму фамилия нового директора ни о чем не говорила, но нашлись и достаточно осведомлённые:

– Эта дама под крылом нашей кураторши из правительства.

– Анны Иоановны?

– Да, дорогой, именно Анны Ивановны Волоканцевой.

– Ну, давай дальше. Где она до этого сидела?

– За городом, в тубдиспансере.

– Нихрена – взлёт, от палочки Коха до члена правительства области.

– Подожди, ты вроде даже не подкашливал, откуда про «тубик» знаешь?

– Типун тебе на энное место, чтобы не каркал. Просто слышал.

...Артём беззаботно катил тележку по супермаркету, складывая в неё все, что потребуется на неделю. Выбор его был особый, и всякий со стороны мог догадаться, что это отоваривается холостяк. На кассе рассчитался банковской картой, стал перекладывать продукты в пакеты и выронил батон колбасы. Стоящая рядом девушка быстро наклонилась и подала упаковку. Артём хотел поблагодарить, посмотрел на помощницу и растерялся. Такой красоты он никогда не видел, смутился, что-то буркнул и пошёл к машине. Девушка вышла следом и направилась тротуаром. Артём почувствовал необъяснимое волнение: такая славная девчонка, совсем юная, роста небольшого, крепенькая, фигуристая, а лицо – славянка со старой картины: белолица, глаза большие голубые, губки пухленькие... Артём улыбнулся: что ты за мгновение мог рассмотреть, холостяк огрубевший?! Вот и придумал портрет. Поехал медленно вдоль тротуара, девушка сидела на скамейке и ела колбасу с булочкой, купленной в том же магазине. Артём вышел из машины, улыбнулся:

– Извините, я так и не поблагодарил вас в магазине. Спасибо. Вы, похоже, не городская жительница?

Девушка завернула колбасу и булочку, положила в простенькую сумку:

– Да, я из деревни. И что из того?

Артём смутился:

– Ничего, я сам деревенский.

Девушка засмеялась:

– Ох, и заливать вы молодец! Да я по вашим пакетам поняла, что городской, к тому же одинокий, богатый, судя по машине, и по жизни неловкий, раз жены с вами не живут. Вот, заметили глупую деревенскую, и колбасу бросили на пол, знали, что подниму.

Артём смеялся так заразительно, что и девушка улыбнулась.

– Меня зовут Артём, а вы... Полина? Очень редкое имя. Полина, я смеюсь потому, что удивлён вашей наблюдательности и оценкам. Удивлён, прежде всего, как специалист, я врач, невропатолог и психиатр, но даже я бы не смог выстроить такую цепочку выводов. Единственная ошибка – колбаса сама выпала из рук. И жены от меня не убегали, просто я никогда не женился.

Полина кивнула:

– Правильно, зачем жениться, если денег на карточке не меряно, машина, особняк шикарный, и девочки по магазинам ходят. Все, некогда мне с вами лясы точить, домой надо ехать.

Артём испугался, что девушка может уйти, и тогда уже не найти её никогда:

– Подождите, Поля, скажите, куда вам ехать?

Полина уже поднялась, отряхнула платишко:

– Не очень далеко, барин, но и пешком не уйдёшь, если автобус упустишь.

Артём перегородил ей дорогу:

– Полина, выслушайте меня. Вы все неправильно понимаете. Не отлавливаю я девушек ни в магазинах, ни на рынках. И какой я барин, я врач. Не уходите, побудьте со мной, я увезу вас, куда прикажете.

Полина недобро засмеялась:

– Показывают в кинокартинах, как вы девушек возите. «Врач я!». Я вижу, как наши врачи живут, такие машины не держат.

Артём вынул из кармана визитную карточку:

– Вам, Поляночка, надо в органах служить при вашей бдительности. Посмотрите, тут и мой скромный портрет, и должность, и телефоны.

Девушка глянула на визитку:

– Все равно это ничего не меняет, я на автовокзал, а вы – как хотите.

Артём понимал, что такой разговор ничем добрым не закончится, просто Полина уйдёт, сядет в автобус, догонять её там – значит, просто больше насторожить. Но он представить себе не мог, что сейчас она уйдёт, и навсегда.

– Поля, я вас хорошо понимаю, случайная встреча, такая настойчивость с моей стороны, для деревенской девушки все это странно. Вы сейчас уйдёте, обещаю, что не стану преследовать, но дайте хоть маленькую надежду, что мы ещё встретимся. Я очень прошу, возьмите визитку, скажите свой адрес или хотя бы телефон. Ну, научите, что мне сделать, чтобы вы поверили?

Полина повернула лицо и строго спросила:

– Во что я должна поверить? Во что?

Артём смутился, но понял, что надо сказать:

– Вы опять будете смеяться, но не знаю, как объяснить. Я увидел вас, и что-то дрогнуло в душе. Только не надо смеяться. Да, я не мальчик, но, правда, не был женат, работа, диссертация, потом солидное назначение и огромная ответственность. Все как-то не до личных проблем. Ладно, признаюсь во всем. Вы мне очень понравились. Скажите, как вас найти, и в воскресенье я смогу приезжать для встречи. Потом вы убедитесь, что я не такой плохой, каким вы меня тут охарактеризовали.

Девушка села на скамейку, молчала, время от времени смотрела визитку.

– Артём Антонович, у вас такой выбор в городе, столько девушек, красивых, нарядных, грамотных, не то, что я. Живу в селе в ста километрах от города. Школу нынче окончила, хотела поступить в медицинский, приняли, но только на платное, сейчас вот забрала документы – кто мне помогать будет, если отец с мамой не работают, живём своим хозяйством? Приеду домой, будем решать, как быть. Я ведь не одна у родителей, рожали, сколько Бог давал, кто знал, что жизнь так переменится? Наверно, поеду в Томск, там сестра папы, муж умер, одна в квартире, найду какую-нибудь работу. Вам, учёному, культурному, богатому сложно понять, но у многих жизнь вот такая. Извините, у меня автобус через час.

Артём увидел спасительный выход, кажется, даже Полинины неприятности просто пропали в помощники.

– Я вас только об одном попрошу: отдайте мне институтские документы, поверьте, я не последний человек в медакадемии, добьюсь, чтобы вас приняли на бюджетное место.

Девушка ещё не верила ему.

– Доставайте документы и садитесь в машину, а то на автобус точно опоздаете.

До автовокзала доехали быстро, Поля купила билет, Артём ждал на платформе:

– Телефон свой вы так и не дали, потому придётся звонить самой. Завтра после пятнадцати часов.

– У вас есть куда записать?

– Диктуйте, я сразу на телефон. Полина, а фамилия ваша?

– Ощепова.

Водитель подал сигнал. Полина села у окна и смотрела на Артёма через стекло почти в упор. «А глаза-то у неё точно голубые, как я заметить успел?». Автобус тронулся, Артём поднял руку, чтобы помахать, но тут же опустил, потому что увидел слезы в глазах этой маленькой милой девочки.

К внезапной проверке на уровне директора департамента областная больница готовилась три дня. На утренней пересмене Белославцев собрал весь штат, попросили приехать и тех, кто вне смены.

– Отделение наше в некотором смысле особенное, и больные есть непредсказуемые, потому попрошу каждую смену почаще заходить в палаты, не звонить друзьям со служебного телефона и не кричать, если связь плохая. Докторов прошу проследить за наличием минимума наших препаратов, а то вчера неожиданно кончился нозепам, утром я услышал от больных много интересного. И дело не в визите директора, она до нас может и не дойти, я говорю о повседневных наших делах. И, наконец, когда починят кран в мужском туалете для больных?

– Уже починили, Артём Антонович.

– Тогда вопросов нет. Все свободны.

Артём даже удивился, как легко идёт у него работа в последние дни, как хочется жить. Конечно, ему помогала Полина, помогало ощущение исполненного долга. Ещё вечером, проведив взглядом автобус, он поехал к Шмулю Меировичу, у которого бывал строго по пятницам вечером. Этот визит был необходим, профессор болел, от операции отказался, всегда лежал, но в пятницу к вечеру брился, надевал свежий тёплый халат и встречал своего ученика. Домработница Фрося удивилась внезапному приезду Артёма, доложила хозяину и провела в кабинет. Шмуль Меирович извинился, что принимает гостя в таком виде и настороженно спросил, что случилось, почему этот внезапный визит. Артём все рассказал учителю и попросил:

– Я попытаюсь решить этот вопрос сам, но хочу заручиться вашим обещанием вмешаться, если моих аргументов не хватит.

Профессор с улыбкой смотрел на Артёма:

– Да, батенька, и до вас дошло, что бяллеровский диван не лучшее место для решения семейных вопросов. Вас не смущает, что она очень молода? Что я говорю, когда это смущало мужчин? Конечно, красавица? Безусловно! Пытайтесь, в этом вопросе я не вижу ничего противозаконного и неприличного, девочке надо помочь. Пытайтесь, привыкайте, скоро старый еврей уже ничего не сможет. Вы знаете, Артём, моя жена умерла десять лет назад, не могу сказать, что был молод, но и не старик. Кстати, стариться можно, дряхлеть нельзя. Так вот, мои товарищи хотели меня женить, знакомили с прекрасными вдовами и разведёнками, конечно, из наших, но я видел перед собой Анну Абрамовну, и все теряло смысл. Фросю пригласила сама Анна, ей было тогда лет тридцать, через пять лет Анны не стало. Так вот, дорогой мой, никто так и не постигнет женской логики. Умирая, Анна сказала мне: «Шмуль, я знаю, ты не сумеешь привести в дом другую. Я говорила с Фросей: «Фрося, если ты не против, будь после моего ухода женой Шмуля Меировича. У нас нет детей, зарегистрироваться он не будет, но выдаст тебе на руки завещание на все, что мы имеем». Вы знаете, я так и сделал, Фрося чудесный человек, она очень ласкова со мной, заботится, как о ребёнке. Странно, не правда ли? Кстати, в завещании я указал и ваше имя. На одном конгрессе в Израиле мне подарили шикарный легковой автомобиль, он уже лет пять стоит в моем гараже. Нет-нет, у меня есть русский

друг, автомеханик, он регулярно, в месяц раз, выезжает на машине и гоняет её целый день, говорит, что машине нужна разминка, как английской беговой лошади. И ещё: надо продуть ей ноздри! Хлёсткое русское выражение! Давайте так: чтобы не тянуть время, я на пятницу, ведь вы приедете в пятницу? приглашу знакомого нотариуса, мы оформим документы, и вы сможете забрать подарок, не дожидаясь финала.

Артём стало до слез стыдно:

– Шмуль Меирович, вы и без того сделали для меня столько, сколько не всякий отец делает для своих сыновей. Тогда дом, теперь машина. А чем я вас смогу отблагодарить?

Бяллер вытер выскользнувшую слезу:

– Молодой человек, неприлично считаться между коллегами и друзьями, если я правильно понимаю наши отношения. Что дом, пустяк, он достался мне почти бесплатно. Еврейская семья долго не могла насмелиться уехать на землю обетованную, хотя какая, к чертям собачьим, родина? Родина там, где ты родился, где тебе было трудно. Впрочем, я не о том. Так вот, они делают рекламу – никто не идёт, у них уже билеты на руках – покупатель где-то задерживается. Я сразу имел виды на этот дом и сделал все, чтобы никто другой его не купил. Поверьте мне, молодой человек, для еврея это небольшой грех. Когда уже начали лопаться струны терпения, я пришёл и положил на стол ровно половину того, что они хотели. Вы бы видели, как они меня благодарили! Тогда я позвал вас, и мы оформили сделку. Да... А благодарность? Дорогой мой, лучшей наградой для меня будет ваш успех в медицине. Вы талантливы, и, как всякий незаурядный человек, обладаете кучей недостатков. Нет, я не имею в виду женщин, да и с каких пор это стало недостатком? Я говорю о натуре, характере, вы русский, потому прямой, как лом. Я вас не обидел? Вам не хватает еврейской способности маневрировать, уступать в малом ради большего. Впрочем, об этом мы ещё успеем. Да... А по девочке идите к ректору, Леонид Петрович должен вас понять. И сразу мне на телефон результат.

Хитрый старый еврей Бяллер сразу после отъезда Артёма позвонил ректору. Узнав коллегу, Леонид Петрович извинился, что давно не заглядывал, но вот в пятницу вечером непременно заедет на часок. Поинтересовался причиной звонка, может, в чем-то надо помочь?

– Помощь нужна не мне, любезный коллега, а нашему воспитаннику и гордости Белославцеву и его жене.

– Шмуль, когда он женился? – удивился ректор.

– Видимо, в самые ближайшие дни...

И Бяллер нарисовал такую картину знакомства своего ученика, с такими придуманными деталями, как невинные поцелуи, благодарность Создателю за неожиданную встречу, решение немедленно пойти в загс и закатить в ресторане свадьбу, что оба старика умилились до слез.

– Понимаешь, Лёня, есть одно обстоятельство, которое мешает им быть абсолютно счастливыми, и его устранение в твоих руках.

– Говори, не терзай душу, я даже всплакнул.

– Девочка поступала в наш институт, набрала баллы, но только на платное обучение. Твоим буквоедам не хватило какой-то бумажки. Сейчас к тебе придёт Белославцев, уж ты будь добр...

Через полчаса Артём позвонил Полине и сказал, что она зачислена на бюджетной место.

– Поля, это надо отметить. Можно, я приеду в воскресенье?

Телефон молчал.

– Полюшка, ты меня слышишь?

– Слышу. Только дайте время, чтобы я родителей подготовила. Все это так вдруг...

Визит директора департамента здравоохранения в областную больницу начался с торжественного въезда на территорию кортежа из трёх автомобилей. Больные, наслышанные о великом событии, выпадали из окон. Двое вечно хмельных бойцов вневедомственной охраны вытянулись у своей будки и отдали честь. Машины встали у парадного входа, главный врач кинулся было к первой машине открыть дверь, но молодой человек ловко выскочил из второй, и роскошная дама в белоснежном костюме, ослепительно белых туфлях и столь же невинно белой шляпке встала на красную ковровую дорожку. Главный бросился к ней, чуть прогнувшись, коснулся протянутой руки и широким жестом предложил пройти в здание:

– Коллектив в актовом зале, Нина Николаевна.

Когда директор и её свита вошли в зал, врачи встали, она кивнула всем сразу и прошла за стол на сцене. Главный хотел было что-то сказать, но Нина Николаевна его остановила:

– Представлять меня не надо, давайте ближе к делу. Мне известно, что ваше учреждение является важнейшим в нашей системе, потому я хотела бы послушать... – она заглянула в подсунутый референтом список, – послушать заведующих отделениями: терапевтического, общей хирургии и неврологии. Потом я вместе с заведующими посмотрю несколько отделений. Пожалуйста, кто смелый?

Артём недоумевал, зачем эти пустые слова в полупустом зале, но отделение названо, надо идти. Он прошёл к маленькой трибуне, посмотрел в зал:

– Заведующий неврологическим отделением Белославцев Артём Антонович. Отделение большое, но врачебными ставками укомплектовано на уровне городского. На лечащего врача приходится до двадцати больных, это немыслимо. Но ставок не дают, ссылаются на нехватку средств. Не думаю, что это так, потому что производятся огромные неразумные траты, например, на косметический ремонт фасадов корпусов.

– Простите, Артём Антонович, но ведь внешний вид лечебного учреждения тоже благотворно влияет на пациентов, – улыбаясь, заметила Соколова.

– Да, но в самую последнюю очередь. Если больной умирает от неверного диагноза, а верный мы не могли поставить, потому что не имеем современных диагностических комплексов, думаю, ему все равно, как выглядит его последнее пристанище извне.

– Думаю, господин Белославцев несколько сгущает краски. Специалисты департамента считают, что оснащение областной больницы находится на приличном уровне.

– Простите, я бы очень хотел увидеть ваших так называемых специалистов в нашем отделении. Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны.

– Мы с вами вернёмся к этому вопросу. Подготовьте обоснованную заявку, попробуем что-нибудь сделать.

– Заявка готова, остаётся только виза главного врача. – Белославцев положил перед Соколовой несколько листов бумаги, она остановила его:

– Артём Антонович, сегодня после семнадцати приезжайте ко мне, обсудим, – и она широко и красиво улыбнулась.

Дальнейший ход обсуждения Артёму был неинтересен, но уйти нельзя. Он достал из портфеля историю болезни только что поступившего пациента, в этом году третий раз его привозят без сознания. Вопреки всем инструкциям новый заведующий отделением приказал при повторных диспансеризациях доставать из архива старые истории и продолжать вести всего одну, даже если пациент будет лечиться каждый год по два раза. Это давало возможность проследить всю динамику, увидеть положительные результаты и найти промахи. Читал, увлёкся, очнулся от громких слов главного, распустившего собрание и объявившего порядок посещения отделений директором департамента. Он даже не удивился, что его отделение в перечне не значилось.

В вестибюле подошли знакомые доктора, Владимир, сокурсник и старый товарищ, а теперь врач в его отделении, взял под локоть:

– Артюха, она на тебя глаз положила. Точно, я заметил, несколько раз внимательно на тебя смотрела.

– Брось ерунду нести. Её, наверное, возмущало, что я читаю и не слушаю эти бредни.

– И в отделение не пошла, чем показала уровень доверия заведующему.

– Да, и на семнадцать пригласила. Артём, жми, говорят, она в разводе.

Артём улыбнулся: сказать бы им про Полину, но не хочется расточать внутреннее счастливое состояние. Ровно в пять вечера он был в приёмной. Женщина средних лет заглянула в список и подняла трубку:

– Нина Николаевна, доктор Белославцев. Хорошо. – Положила трубу: – Проходите.

Артём бывал в этом кабинете, но теперь тут было все по-иному: тёмно-серая офисная мебель, натяжной потолок, шикарный паркет, лёгкие портьеры. Соколова вышла из стола, подала руку, предложила сесть за маленький столик у окна, сама села напротив. «Уже успела переодеться», – отметил Артём скромный серый костюм, словно именно под него подбирали кабинетный интерьер.

– Нравится? – спросила Соколова. Артём не понял, о чем она, и вопросительно посмотрел на женщину. – Я имею в виду кабинет, вы же противник новой эстетики, вот, полюбуйте.

Белославцев уловил признаки игры, но поддерживать не стал:

– Я человек деревенского воспитания, работа моя тоже не способствует совершенствованию интеллекта. – Ещё раз для приличия глянул на пол, стены, потолок. – Обои бесстыковые, если я правильно понял?

Соколова удивлённо вскинула брови:

– Откуда вам известны такие тонкости? Это новейшая немецкая технология, в городе ничего подобного нет, даже у губернатора.

– Не пугайтесь, Нина Николаевна, я где-то об этом читал.

Соколова встала, взяла со стола папку:

– Здесь один документ, который я должна согласовать с вами. Это приказ о назначении вас первым заместителем директора департамента. Что вы на это скажете?

Артём помолчал, новость не обрадовала и не огорчила его, надо что-то отвечать:

– Нина Николаевна, я обязан поблагодарить вас и отказаться.

Женщину эти слова шокировали:

– Вы отказываетесь от должности первого заместителя директора? Почему? Вы не хотите работать со мной? Я вам не нравлюсь, очевидно, не в вашем вкусе, о ваших увлечениях знает вся медицинская общественность. Но я вам предлагаю работу, очень важную должность и работу.

Белославцев понимал, что уже обидел женщину, надо поправлять положение:

– Видите ли, Нина Николаевна, я врач, учился этому, и продолжаю изучать объект сей науки, имя которому человек. Последние красивые слова не мои, они принадлежат моему учителю и другу Шмулю Меировичу Бяллеру. Если бы я сегодня принял ваше предложение, завтра учитель не подал бы мне руки. Я с благодарностью отказываюсь.

Соколова нервно бросила папку на стол и почти зло спросила:

– Вы хоть знаете, во сколько раз этот оклад выше вашего сегодняшнего?

Артём засмеялся:

– Вы ошибаетесь, Нина Николаевна, он не выше, он больше.

Соколова улыбнулась:

– Это все слова, за которыми ничего нет. Я не стану вас уговаривать, просто выскажу недоумение: почему вы не видите огромных возможностей влиять на развитие медицины в области? И вы отказываетесь. А я-то думала, что с радостью согласитесь, пригласите меня в ресторан, поухаживаете за несчастной женщиной.

Чтобы скрыть смущение, Артём свёл к шутке:

– Вы на себя клеветаете, Нина Николаевна, вы просто излучаете счастье.

Соколова как-то грустно рассмеялась, поглядела на гостя:

– Все знают, что я развелась с мужем. Что у меня нет детей. А Белославцев делает вид, что ничего не знает и знать не хочет. Вы так меня огорчили, так огорчили, Артём Антонович, а ведь мы ровесники, свободные люди. И я давно вас знаю, ещё с института, я училась курсом старше. Вы и тогда на меня поглядывали, а я просто влюблена была. Вы же гордость института, будущее светило. Помню и вечер медицинских работников в загородном санатории, а вы..., вы даже не узнали меня, хотя тогда мы танцевали, три раза, и даже прижимали меня в уголке, и, смею напомнить, довольно усердно целовали.

Белославцева давно так не подлавливали, он действительно не особо хорошо помнил этот праздник в загородном санатории, шикарный банкет в большой столовой и танцы. Да, приглашал девушек, наверное, тех, которые нравились, вполне возможно, даже теперь уже очевидно, что приглашал и Нину, тогда совсем молоденькую и явно симпатичную. Должен бы помнить, но не помнил, а как об этом сказать? Вот ситуация! Забыл – обидится, якобы вспомни – а вдруг это блеф? Сказал прямо:

– Извините, Нина Николаевна, и годы прошли, и работа такая, что порой сам себя не помнишь. А ресторан – с удовольствием приглашаю, должно же хоть что-то из ваших ставок на меня принести выигрыш. Ставьте на красное, и едем прямо сейчас.

Соколова внимательно посмотрела на вдруг оживившегося собеседника и поняла, что выкручивается человек, сложно ему, вроде и баба, а начальник, вроде и не обязан ничем, а вину чувствует.

В ресторане было тихо, лёгкая музыка издали, Артём попросил кабинку на двоих, услужливый молодой человек их проводил, даме подвинул кресло, Артём сам плюхнулся в широченное местечко. Он не любил рестораны и посещал только при необходимости, вот и сейчас протянул Нине Николаевне меню, сам пробежал по строчкам: черт его знает, кроме крошки – ни одного знакомого слова. Официант принёс все, что заказала дама, и открыл бутылку шампанского. Артём удивился, как быстро строгая начальница превратилась в просто молодую и красивую женщину, она подняла бокал:

– За что будем пить, Артём? Ты не против, если отбросим официоз? Так за что?

– Конечно, за тебя, за твоё высокое назначение, за твою блестящую карьеру!

– Карьера, как видишь, начинается с фиаско: мужчина, которого я всегда хотела видеть рядом с собой, вежливо отказался. Артём, есть смысл продолжать разговор об этом?

– Не надо. Нина, а я вспомнил студенчество, и тебя тоже, к тебе приходил курсант военного училища, и мы его отшили. Поскольку инициатором экзекуции был я, следовательно, был какой-то интерес к девушке с шикарными волосами.

Нина грустно улыбнулась:

– Вот именно – какой-то! А тот курсант стал моим мужем, быстро пошёл в рост, потом увлёкся дочерью начальника училища, меня бросил. Жили на служебной жилплощади, я лишилась квартиры и прописки, так что сына у меня он отсудил легко. Вот так, дорогой Артёма, как звал тебя весь институт.

Грустный разговор, за таким не стоило ходить в ресторан. Но Нина быстро оживилась, выпили ещё по бокалу. Она стала говорить о планах совершенствования здравоохранения, о закупках современного оборудования, и Артёму пообещала все, что он просил. Засмеялась:

– Мало просил, стеснительный ты мой. Проси больше, ни в чем не откажу.

Артём встал:

– Тогда едем ко мне?

– Наконец-то! – засмеялась Нина.

Утром их с трудом разбудил телефонный звонок. Артём схватил трубку:

– Артёма, это Володя, ночью умер Бяллер.

Нина вызвала такси и уехала, Артём занимался похоронами, с трудом находя общий язык с вьедливым раввином и руководителем еврейской диаспоры. Они успокоились и стали безразличны, когда нотариус вскрыл завещание и стало известно, что все имущество, принадлежавшее покойному, завещано какой-то Ефросинье Бытовой.

Уже после похорон, вспоминая ту ночь с Ниной, он вдруг отметил её оригинальность, она странно реагировала на ласки, напрочь отказавшись от поцелуев и согнав Артёма в самый низ широкой кровати, вздрагивала и вскрикивала, хотя он не видел для этого причин. Махнул рукой: ладно, только дурак утверждает, что все бабы одинаковы. Артём своих женщин помнил именно по их неожиданным проявлениям в постели. Разберёмся.

Позвонила Полина:

– Артём Антонович, я долго в себя не могла прийти после вашего сообщения, что зачислена на бюджет. Спасибо вам. Папа и мама приглашают вас в гости. Если можете, приезжайте в воскресенье, а ехать надо по Новосибирской трассе восемьдесят километров, и наше село Таволжан.

– Полина, так вы живете в Таволжанах? Это же моё родное село, Полиночка! Только я не был там уже с десяток лет. Но вы же не местные, да?

– Теперь местные, мама отсюда девчонкой уехала в Петропавловск, а как там заварушка началась, перебрались в деревню. В общем, я скажу родителям, что вы приедете, хорошо?

– Нет. Во-первых, а ты меня приглашаешь? Говори.

– Конечно, приглашаю.

– Принято. Будешь звать по имени и на ты? Отвечай, будешь?

Трубка долго молчала, потом тихий голос Полины:

– Вы меня не торопите, пожалуйста, у меня и так дважды два не всегда четыре.

Артём засмеялся:

– А сколько?

– Иногда пять, а чаще три.

– Согласен потерпеть до воскресного вечера, но если будешь выкать и прочее – обижусь.

– Не надо на меня обижаться, я все сделаю, только не спешите, не требуйте невозможного.

До свидания. Мы вас ждём к обеду.

В воскресенье он поехал в свой супермаркет, в котором две недели назад встретил Полину, набрал полную тележку всего, что попадалось на глаза, снял с полки бутылку хорошей водки и шампанское. Обходительная продавщица изобразила очень элегантный, хотя и огромный, букет алых роз. Дома принял ванну, постоял под холодным душем, побрился. Глянул на себя в зеркало – с головы до ног оно отображало довольно стройного почти молодого человека. Артём включил дополнительный свет.

«Что же ты собираешься делать, милейший Артём Антонович? Неужели эта деревенская девчонка так тебя ударила, что ты потерял ориентацию в пространстве и во времени? Рядом с тобой, вот в этом доме только что была очень красивая женщина, и не только красивая, но и перспективная, и ты под её крылышком можешь ой, как высоко взлететь. Что тебе ещё надо? Юношеская клятва самому себе взять в жены только девицу, как и было заведено во времена предков, сегодня просто каприз, да и не факт, что с Полиной не побаловался какой-нибудь слюнявый пэтэушник. А время, Артюха, время, часы твоего лица ещё не чётко показывают возраст, но никто не признает в тебе двадцатилетнего. Вспомни армейские фотографии, каким ты был? А студенчество? Боже, после выпускного бала прошло... пять лет. Бедный добрый Шмуль, он дал все адреса и телефоны, но ты протянул целый год, пообещал питерским академикам, что приедешь, и не поехал. Что остановило? Работа, ответственность, некому передать отделение, главный попросил, к бывшему директору департамента водили. Остался.

И что? Докторская скукарикала, как в деревне говорили. Сегодня в гости в семью Полины, все будут благодарить и стараться угодить, чего я больше всего ненавижу. Потом поедем с Полиной на кладбище, надо на выезде из города купить венки, повезу её на места своего детства. Попробую поцеловать, представляю, для неё это будет целое событие. А может, напротив, вытрет губы и скажет, что больше не надо. Итак, дорогой, не стоит гнать лошадей, с Полиной очень аккуратно, чтобы девчонка не потеряла голову. Или наоборот, сказать сразу, что влюбился и попросить руки и сердца у отца с матерью? Красиво. А ты готов? Шесть лет она будет учиться, родить нельзя – отстанет на год, а то и больше. Ты сам на кухне, потому что ей не только на лекции к восьми, но и конспекты посмотреть надо. А пелёнки, а плачь ребёнка по ночам? А свобода? Никуда не выйти, не выехать. И с такой жизнью ты согласен, ты к ней готов?».

Артём сплюнул и чертыхнулся: что это накатило, что за дурацкий самоанализ, кому это надо? Поеду на родину, на могилы родных, побываю у Полины, поговорю с родителями. На первый случай этого достаточно. И вот потом определимся, будет ли второй?

В отделение, приученный Бяллером, Белославцев приходил к семи утра, короткий доклад дежурного врача, и, если ничего срочного, уходил до планёрки в кабинет. Успел изучить пару вчерашних результатов томографического обследования, в дверь постучали.

– Входите.

Вошёл мужчина, плотно закрыл за собой дверь и, не протягивая руки, представился:

– Майор Плесовских, УВД. Вот моё удостоверение.

Белославцев мельком глянул на документ:

– Слушаю. Вы по какому делу?

Майор кивнул и сел, не дождавшись приглашения. Артём смутился:

– Простите мою неловкость, видимо, мандат смутил. Так вы точно ко мне?

Майор ещё раз кивнул:

– Точнее не бывает, Артём Антонович. Я хорошо ознакомился со всеми материалами по вашей личности, не нашёл ничего даже подозрительного по нашей части, понял только, что вы человек увлекающийся, но за контакты с женщинами пусть следит полиция нравов, если таковая будет. И все-таки мне поручено если не привлечь вас, вплоть до посадки на приличный срок, то основательно скомпрометировать.

Белославцев оживился:

– Мило! И кому я столь высокому перебежал дорожку?

Майор тональность разговора не поддержал:

– Я должен убедиться, что с вами можно говорить открыто. Во-первых, по моим понятиям вы приличный, порядочный человек, во-вторых, участвовать в травле безвинного мне не очень хотелось бы участвовать, надоело, знаете ли, но дело поручено, и я обязан чем-то его завершить. А окончательное решение примут там. – Он привычно ткнул пальцем вверх.

Артём вскипел:

– Да в чем же моя вина? Я что, Родину предал, фальшивые деньги печатаю или в компартию вступил, господин майор?!

Гость поправил:

– Товарищ! Товарищ майор, но лучше называйте меня Павлом Ивановичем. А вина ваша как раз из разряда увлечений. Так мы говорим открыто?

– Мне скрывать нечего, я готов.

– Добре. Значит, так: через минуту я зову двух понятых, и мы вынимаем из вашего шкафа приличный пакет с наркотиками. Они взяты с медицинского склада по требованию нашей конторы, но ровно столько исчезло из сейфа вашего отделения, ключи от которого хранятся только у вас.

Артём быстро вынул бумажник – ключи на месте. Майор улыбнулся.

– Кто положил пакет в мой кабинет?

– Полагаю, при вашем уме вы быстро просчитаете варианты.

Белославцев прокрутил всех и, глядя на майора, спросил:

– Галина? Галина Пахомова?

– Поздравляю, у вас с логикой все нормально. Может, продолжим размышления?

В последнее время вы прикасались к женщинам, обладающим властью или имеющим на неё прямой выход?

Артём встал, прошёлся по кабинету. Конечно, сразу можно было назвать Нину, но нет, не могла она так жестоко предать. Да и как она может поручить это УВД? Нет, Нина исключается, тогда кто? Ни с кем, ни с женщинами, ни с мужчинами из эшелонов выше городского он вообще дела не имел. Решил уточнить:

– Только с женщинами, Павел Иванович?

Майор засмеялся:

– До вас все ещё не доходит, что именно через женщину возникло это дело. Значит, надо искать ту, которая может найти покровительство наверху.

Артёма обожгло: Нина! После поездки в деревню и разговора с Полиной и её родителями он все время думал, как осторожно закрыть едва определившиеся отношения с Ниной. Его смущало, что он совсем её не знал, даже предположить не мог, как она станет реагировать на его заявление, что встречаться больше они не будут. Он рассуждал просто: обещаний не было, признаний тоже, просто мужчина и женщина встретились несколько раз, можно даже посчитать, сколько, друг другом остались довольны, но вот обстоятельства изменились, и надо встречи прекратить.

Но это он так думал. Соколова все понимала иначе. Несколько времени общения в домашних условиях и в постели тоже сблизят их, ведь они очень похожи, у них много общего: образованные, умные, красивые, ровесники, самодостаточны, перспективны. Под крылом своей покровительницы она вырастит из Артюши большого начальника, можно посадить его на фонд медицинского страхования или главным врачом санатория – одного из лучших в стране. Они ещё молоды, родят двух детей, девочку и мальчика, и будут жить долго и счастливо. Потому она насторожилась, когда Артём не поехал сразу домой, как это было раньше, а сделал крюк, въехал в больничный двор и заглушил машину.

– Тебе надо в отделение? Что же ты сразу не сказал?

– В отделение мне не надо, мне нужно тихое и прохладное место, где мы могли бы поговорить.

Нина пыталась пошутить:

– А разве спальня с кондиционером для этого не подходит?

– Нина, у меня изменились планы. Встречаться больше мы не будем, потому что я готовлюсь и еду на три года в Питер за докторской. Во-вторых, я встретил девушку, которую полюбил и женюсь на ней. Тебе нужна семья, вот и рожать пора, годы уходят, а я ничего не могу тебе предложить.

Нина засмеялась, и в смехе том Артём не услышал ничего хорошего.

– Это ты мне, гинекологу, будешь советы давать, кого и когда, а главное – от кого мне следует рожать? Артюша, я не думала, что меня так затянет, но сейчас... сейчас я не могу от тебя отказаться. Какая девушка, что ты придумал? Мы должны быть вместе. Докторская? О чем речь, милый, тебе на дом привезут диплом, только тему заучи, чтобы не проколоться, хотя сегодня все знают, как делаются степени.

Артём посмотрел на её лицо, оно было жёстким, властным и мстительным. Мелькнуло: она ведь тоже кандидат, поэтому хорошо знает современные технологии.

– Видишь ли, Нина Николаевна, я еду не за дипломом, а за знаниями и опытом, этого в питерской школе на всю страну хватит. Но мы не о том говорим. Вопрос с моим отъездом,

как и с женьбой, решён, я только хотел, чтобы ты узнала об этом от меня, а не от офисного планктона.

Нина нервно сжимала в руках сумочку:

– Ещё ничего не решено, дорогой Артём Антонович. Вы поступили со мной, как с уличной девкой, как со своей студенткой-практиканткой. Вы дали мне шанс поверить в вас как в мужчину, шанс изменить свою некудышнюю жизнь, а теперь заявляете, что женитесь, что уезжаете. В Питер, в академию? Мы ещё посмотрим, Артём Антонович, как это вам удастся. Одно моё слово, и вы остаётесь.

Она легко вышла из машины и, не оглядываясь, ушла за угол корпуса, на ходу вынимая телефон...

– Я не думал, что она способна на такое. Покровители наверху у неё, действительно, есть. Только... Павел Иванович, вам готовое дело дали, ну, то есть, проинструктировали, как меня... прищучить, или у вас свои разработки?

Майор улыбнулся:

– Вам не надо этого знать, вы лучше о том думайте, как выбраться из этих капканов. У меня для вас два пути: вы идёте к ней и решаете вопрос мирно, за счёт каких угодно уступок, на это только одна неделя. Если нет – я составляю протокол на изъятие наркотиков, тогда вас уже никто не спасёт. Давайте прощаться, я и так прилично у вас погостил. – Майор встал.

– А пакет? – удивился Артём. – Вы забыли про пакет.

– Никакого пакета не было, и нет. Но он появился бы в протоколе обыска при понятиях.

Белославцев похолодел:

– Все так серьёзно? А Галина, медсестра, которая пакет якобы подложила?

– Не грешите на девушку, просто я проверял, насколько хорошо вы понимаете своих людей. Она могла бы вам отомстить, но пока нет необходимости. Никто в коллективе не знает и не должен знать о моем визите. До следующего четверга, тогда я уж точно вас не спасу.

Он провёл планёрку, стараясь ничем не выдавать своего состояния, всех отпустил, кроме Владимира, они успели хорошо подружиться, когда оба были рядовыми врачами, и сохранили товарищеские отношения, когда Белославцев пошёл на повышение. Владимир как-то проговорился, что учился в параллельных группах с новым директором департамента, наверное, он мог чем-то помочь.

– Володя, ты точно учился вместе с Соколовой?

– Э, друг, закусило! Нельзя сказать, что вместе, но рядом, пересекались. Только она была не Соколова, другая фамилия. Ты вообще-то, что хочешь узнать? Шаловливая? Наверное, но без меня. Училась средне, по-моему, на третьем курсе вышла замуж за преподавателя из военного училища.

– Понимаешь, Володя, не могу тебе всего сказать, я слово дал, но без твоей помощи мне все это не выкружить. Она меня помнит по институту. Что на неё накатило – напомнила студенчество, мою популярность, призналась, что была влюблена и сразу предложила должность своего зама. Конечно, я отказался, но чуть расслабился, пригласил в ресторан, потом к себе, и закружилось. У меня по ней никаких планов. А тут встречаю девчонку, Володя, ты меня знаешь, но я поплыл. Девчонка деревенская, красавица, конечно, и – иная, не из этой гнилой тусовки. Такой свежестью от неё дохнуло, что я... Короче говоря, был у её родителей, устроил её в нашу академию на бюджет, хотя все сделал покойный профессор Бяллер. И вот я объясняюсь с Ниной, и что ты думаешь? Нет, рыданий и призывов к совести не было, был какой-то почти протокольный обмен мнениями, в итоге она заявила, что ещё ничего не решено, и вроде, мы ещё посмотрим, в какой Питер ты поедешь. Ты бы видел её лицо, и как это было сказано. И вот сегодня утром у меня в кабинете офицер УВД с предписанием посадить меня в тюрьму.

Владимир захохотал:

– Артём, этот розыгрыш, сейчас модно делать такую игру. Брось, все обойдётся.

– Ты не въехал, Вова, это с её подачи или по приказу её покровителей появился офицер. Оказался порядочный мужик, дал мне время урегулировать все проблемы с женщиной, как он выразился, имеющей высоких покровителей. Ну, ты представь, кто может поручить милиции взять врача на наркоте и обеспечить честный червонец на зоне?

Владимир серьёзно на него посмотрел:

– Да, Артюха, тут явно не розыгрыш. Только я не пойму, что её так зацепило, что тюрьма – альтернатива отношений с нею? Может, ты знаешь что-то такое?

– Ничего я не знаю. Что она о себе говорила? С офицером тем родила сына, но он подал на развод, квартира служебная, у Нины жилплощади нет, суд отдаёт ребёнка отцу. Правда, как-то спокойно об этом сказала, между прочим.

– Можно, я с твоего телефона? Верочка, привет, это Владимир. Как дела? Ты все режешь? Да, хирург ничего не знает, но все может. Слышь, Вера, какая фамилия у Соколовой была в студенчестве? Какая-какая? Директор наш новый в департаменте. Все, понял, Веруня, за мной шоколадка. А почему они развелись, не знаешь? Понял, спасибо, коробка конфет. – Владимир положил трубку. – Её родная фамилия Шатковская, между прочим, классно звучит, для директора департамента очень подходяще. Понял, заткнулся. А развод – мутное дело.

– Володя, надо найти этого счастливого мужа, он, пожалуй, теперь локти кусает – такую успешную бабу бросил. Звони в кадры училища.

– Ты думаешь, он сидит и ждёт звонка? Люди военные, приказ в зубы и на новое место службы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.